

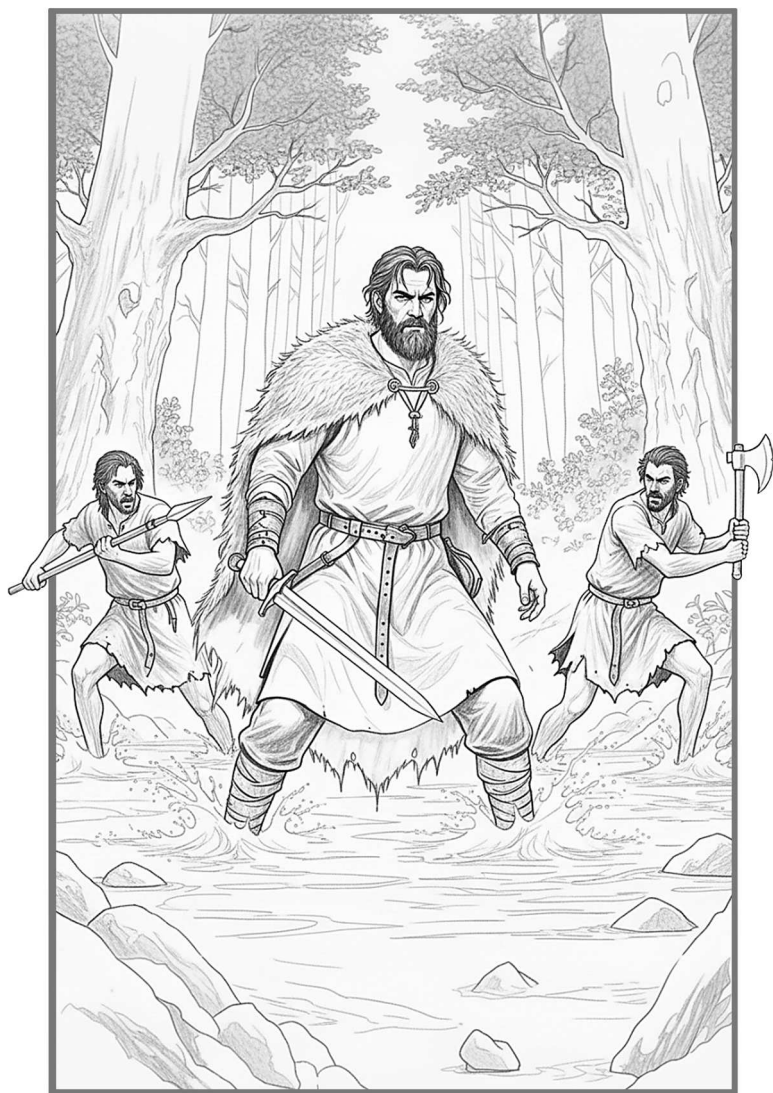

♦ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ: ♦

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ведьмины камни
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
•
МАЛУША. За краем Окольного
•
МАЛУША. Пламя северных вод
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Клинок трех царств
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Змей на лезвии

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

СТРЕЛА РАЗЯЩАЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Анастасии Майской*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Стрела разящая / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-222018-0

Пламень-Хакон — младший брат киевского князя Ингвара — отправился в землю Деревскую, где живет воевода Свенельд, а правит князь Володислав. Никто даже не предполагал, какие губительные последствия это потянет за собой. Война, предательства и смерти...

Гибнет в земле Деревской князь киевский Ингвар, во главе державы становится Эльга — еще молодая женщина с сыном-отроком. На ее плечи ложится груз тяжелых решений и ответственности за то, чтобы не развалилась Русь, созданная ее дядей, Олегом Вещим. Но Эльга не только правительница, она женщина, которая боится потерять близких. Или обнаружить предателя в том человеке, который уже много лет был ей дороже всех.

Не всякому судьба дает возможность совершить подвиг. Но еще менее тех, у кого хватает отваги принять вызов судьбы и тем стяжать великую славу. Княгиня Эльга приняла вызов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дворецкая Е., 2025
ISBN 978-5-04-222018-0 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Часть первая

*Деревская земля,
18-е лето Володиславово¹*

Когда мы с Соколиной впервые увидели Хакона сына Олава, то поначалу подумали: нашим смертным очам явился кто-то из богов — Дажьбог или Ярила.

— А может, это Сварожич? — сказала Соколина и засмеялась. — Вон как жар горит, того гляди лес подожжет!

Она была недалеко от истины: позже мы узнали, что младший из сыновей Олава из Хольмгарда носит прозвище Логи-Хакон — или Пламень-Хакон, если по-славянски.

Стоял яркий солнечный день, блики играли на воде Ужа, будто река оделась в золотую кольчугу. Мы гуляли на опушке рощи, Соколина учила Добрыню стрелять, а Малфа рвала цветы и приносила мне, так что у меня на коленях уже скопилась целая охапка. Она, конечно, тоже было захотела стрелять, но ей быстро наскучило — ей шло только пятое лето. Земляника уже сошла, а грибы еще не выросли, мои челядинки дремали в теньке под кустами. Соколина и Добрыня занимались своим делом, поэтому я первой увидела всадника на другом, низком берегу.

Он выплыл из зелени леса, будто солнце из тучи, — верхом на рыжем, как огонь, коне, и такие же ярко-рыжие волосы длинными волнистыми прядями спускались по его плечам до самого пояса. На нем была рубаха из алого шелка, темно-красный плащ, затканый золотисто-желтыми узора-

---

¹ 950 год. (Здесь и далее примечания автора.)

ми в виде кругов. На груди, на руках, на поясе, на рукояти его рейнского меча сверкали серебро и золото. Такое увидишь не во всяком месте и не каждый день, к тому же он возник так внезапно — будто вышел из солнечных лучей. Неудивительно, что те двое едва не выронили луки, а я встала с травы, не веря глазам. Красный всадник факелом пылал среди летней зелени. Увидеть здесь такую роскошь было так же дивно, как на земляничном стебле среди ягод обнаружить золотой греческий перстень с самоцветом. И в то же время эта пламенная ярость среди листвы и травы не резала глаз, а скорее радовала.

Вспомнились все сказки и сказания, каких я наслушалась в детстве и сама теперь пересказывала чадам. Рыжий конь неспешно шел по каменистому берегу. Когда я вспоминаю те мгновения, мне кажется, мы очень долго стояли и смотрели на красного всадника. Это зрелище околдовывало, внушало ужас и восторг. Мы будто знали, что этот солнечный бог внесет в нашу жизнь губительный огонь, сожжет ее дотла, оставив одни головешки...

Хотя откуда нам было знать? Воевода Свенельд рассказывал, что моя бабка, королева Сванхейд из Хольмгарда, хорошо умеет раскидывать руны. Я часто жалела, что меня некому было научить: даже свою мать, княгиню Малфриду, я едва помню, а бабуку и вовсе никогда не видела. Моя мать уехала из Киева, когда мне было всего девять лет, а через год умерла в чужой стране. Поэтому, когда еще шесть лет спустя у меня родилась дочь, я уже могла дать ей имя Малфрида. Муж и его стрый Маломир не возражали: среди древлян никто не мог этого имени выговорить, поэтому мою дочь они звали то Малка, то Малуша, однако оно указывало на родство со столь многими знатными и владетельными родами, что этим никак нельзя было пренебречь. К тому же это перекликалось с именем ее двоюродного деда — Маломира, а он получил его в наследство от своих болгарских предков по женской ветви.

— Кто бы это мог быть? — Соколова повернулась ко мне, и по ее глазам цвета желудя было видно, что она тоже силит-

ся стряхнуть наваждение и начать рассуждать здраво. — Если это не Дажьбог к нам спустился водички попить... Твои ждут кого-нибудь такого?

— Нет. Я о гостях не слышала.

Такой человек — если это все-таки человек — мог направляться лишь к моему мужу, князю Володиславу, или к отцу Соколины — воеводе Свенельду. Если бы они его ждали, мы бы знали: я уже год как вела наше хозяйство после смерти свекрови, а Соколина лет пять была полной хозяйкой в доме своего отца.

— А вот мы сейчас узнаем! — вполголоса воскликнула она.

И прежде, чем я успела ее остановить, вскинула лук и наложила стрелу...

* * *

Когда в землю в двух шагах перед мордой коня вонзилась стрела, Логи-Хакон сделал именно то, что от него требовали: остановился. Вскинул голову, обвел быстрым взглядом берег и зелень вокруг, отыскивая стрелка. Если бы его хотели убить, то стреляли бы не в землю, поэтому оснований для испуга он не видел; но в то же время понимал, что находится на чужой, не вполне дружеской земле, и ничего удивительного, если его так встречают.

Из-под ветвей за его спиной показались хирдманы; увидев стрелу почти одновременно с вождем, телохранители побежали вперед и встали, прикрыв его щитами со всех сторон, с топорами наготове. Они тоже понимали, что убить вождя тут никто не пытается, поэтому Логи-Хакон продолжал сидеть верхом. Уперев руку в бедро, он свысока озирался окрестности с присущим ему повелительным видом.

Когда королева Сванхейд родила седьмого сына, Олав скрепя сердце дал ему имя Хакон. Он уже дважды нарекал им новорожденных сыновей, но оба умерли, не прожив и месяца. Однако это было родовое имя: его носили и отец Олава, и его дальний родич Хакон Богатый Родней, ярл Альдейгьи

и муж самой старшей дочери Олава, Ульвхильд. В знатной семье, состоящей в родстве с Инглингами, в каждом поколении должен быть кто-то по имени Хакон.

Удача третьего по счету Хакона сына Олава оказалась крепче, чем у первых двоих. Он прожил и месяц, и год; Олав сам успел вручить ему меч, и в год смерти отца Хакону исполнилось уже четырнадцать. В семье он выделялся. Все его родичи-мужчины были невысоки ростом, коренасты и с рыжеватыми волосами. Мать и сестры — рослыми и светловолосыми. И только над Хаконем богиня Фригг решила подшутить и смешала обе породы: он получился рослым и рыжим, как огонь, и по этим двум причинам в любом собрании бросался в глаза. Возможно, поэтому — а также потому, что рос младшим из троих братьев, которому едва ли достанется отцовское наследство, — он усвоил вид горделивой надменности и внутренне всегда держался за рукоять своего рейнского меча, отделанную полосками из золотой и серебряной проволоки.

Вот и сейчас он оглядывался с таким видом, будто собрался все здесь завоевать и готовился объявить об этом. Однако объявлять было некому — стрелок не показывался. Какой-то дозорный, который выстрелил с испугу, а теперь уже мчитса со всех ног к основной части дружины? Тогда почему не слышно рога?

— Эй! — быстро соскучившись, крикнул Логи-Хакон. — Кто стрелял? Вот он я, стою и жду тебя — долго мне еще ждать? Покажись, не бойся.

И тогда...

* * *

Едва Соколина успела пустить стрелу, как я поняла: зря она это сделала. Огненный всадник был не один. В тот самый миг, как стрела вонзилась в землю, а он натянул поводья и вскинул голову, оглядываясь, за его спиной из-за деревьев показались люди. Самые обычные отроки оружные. Кроме мечей или топоров у пояса, в них даже не было ничего воин-

ственного, но неужели я не узнаю людей из дружины знатного вождя — я ведь выросла на одном дворе с такими же, да и сейчас видела их каждый день. Четверо несли за плечом щиты и уже перекинули на левую руку — ясно, телохранители. В них-то не было ничего чудесного, и их вид помог мне опомниться.

— Что ты натворила! — Одной рукой прижимая к себе Малфу, другой я потянула Соколину за рукав назад. — У него тут дружина! Бежим отсюда!

При этом я отчаянно жалела, что у меня нет третьей руки, дабы поймать Добрыню, и еще двух голов, чтобы успевать следить сразу за всеми. Наверное, многие матери об этом жалеют.

— Да ну тебя, что ты такая робкая! — Соколина решительно выдернула свой рукав из моих пальцев. — Подумаешь, дружина! У нас тоже тут дружина!

Однако чужая дружина была в двух шагах, а наша — в Искоростене и Свинельже-городце. И до них еще бежать и бежать...

Мы прятались за деревьями опушки, и пока, тем более что наш берег был выше, чужаки нас не видели. Тем не менее двое из четырех телохранителей пристально всматривались именно в нашу сторону: поняли, откуда прилетела стрела. А еще пятеро у них за спинами живо изготовились к стрельбе, и теперь прямо на нас смотрели пяток срезней¹.

От испуга похолодело в груди. Малфу я крепко прижимала к себе, но от Добрыни меня отделяло шага три-четыре. Он же ребенок, ему всего шестое лето идет, вот сейчас он дернется — и получит примерно три стрелы. Одна была надежда: они будут целить туда, где находится грудь взрослого человека, и стрелы пройдут над его головой.

— Добрыня! — жутким шепотом позвала я. — Замри!

Хорошо еще, я сообразила приказать ему именно это, потому что первым побуждением было сказать «иди сюда». Мы

---

¹ Срезень — наконечник стрелы, причиняющий большие повреждения.

раньше играли в игры, где требуется замереть, и сейчас, на мое счастье, Добрыня привычно послушался.

Ну а Соколину я, конечно, проморгала. Она была моложе меня всего-то года на три и сама могла бы уже иметь парочку детей, если бы отец выдал ее замуж вовремя; тем не менее я не могла отделаться от привычки опекать и направлять ее, будто младшую сестру. Я выросла в семье брата Соколины, Мстислава Свенельдича, где неродные по крови женщины и старшие девушки опекали меня; выйдя замуж, я очутилась возле Соколины, которая как раз перед этим лишилась матери. Но, когда я приехала в Искоростень, у меня сразу же, подряд, родились двое детей, потом еще один (я всего три месяца как сняла «печаль» по нему). И со всем этим у меня было столько хлопот, что Соколина большую часть времени оказывалась предоставлена сама себе и тому воспитанию, какое ей мог дать старый воевода и его дружина.

К счастью, она выросла отважной, но не сказать чтобы совсем безрассудной. Поэтому сейчас она сделала Добрыне страшное лицо и знаком велела залечь: он пал наземь и исчез в траве, будто ящерка. Они столько раз с ним играли «в войну», где воеводой на правах старшинства была Соколина, что сейчас он повиновался с готовностью и ловкостью, которые восхитили мое материнское сердце. Наверное, в тот миг я впервые осознала, что не зря Соколина столько раз возвращала мне мое дитя, перемазанное от пяток до ушей и в порванной рубахе.

— Дренги, не стреляй! — крикнула она именно таким голосом — уверенным, но миролюбивым, — который успокоил бы отроков, если бы это был мужской голос.

Женский голос, надо думать, удивил их куда сильнее выстрела, но теперь они, по крайней мере, не спустят тетиву на первый шелест просто от неожиданности.

Соколина отлепилась от березы, за которой пряталась, и небрежно-уверенной походкой направилась через открытый клочок берега вниз по откосу, к обрыву. Теперь они отлично ее видели. И даже я издали разглядела, как переме-

нились их лица. Ну еще бы! Вместо дозорного, а еще скорее десятского, они увидели взрослую девушку с длинной светлорусой косой, одетую в зеленое платье (Свенельд терпеть не мог плахт, и Соколина свою надевала единственный раз в жизни — когда созрела и я снарядила ее в рощу на Лельник). И с луком в руке, который доказывал, что стреляла именно она!

Даже Красный Всадник переменился в лице и тронул коня; ошеломленные телохранители расступились, и он подъехал к самому обрыву. Теперь их разделяла только река.

— Это ты стреляла? — в изумлении спросил он. — Зачем?

По виду всадника было ясно, что он из руси — не из древлян, полян или еще каких близко живущих племен. Но по-словенски он говорил свободно, как на родном языке.

— Хотела понять, не мерещишься ли ты мне, — ответила ему Соколина. — Кто ты такой? Ты бог или смертный?

— А ты кто такая? — Всадник принял надменный вид. Вероятно, с ним не часто так дерзко разговаривали. — Ты великанша, которая нанялась к Свенельду охранять брод?

Его отроки засмеялись, но Соколина лишь горделиво вскинула голову.

— Ты едешь к Свенельду? Не припомню, чтобы он тебя ждал!

— И тем не менее я еду именно к нему. Здесь где-то должен быть брод. Думаю, это вон там. — Он взглянул вперед по течению реки, куда вела тропа и где действительно находился брод. — Так что, я должен дать тебе шеляг, иначе ты меня застрелишь посреди реки?

Выговор его был точно как у моей матери: он говорил не «что», а скорее «цъто», у меня и самой иногда это проскальзывало. В детстве в Киеве вуй Ингвар, бывало, смеялся надо мной, что я переняла у матери «цоканье», а сам гордился, что давно от него избавился. Вновь услышать северный словенский выговор мне было приятно, хотя тогда я не осознала, что это может означать. Отметила только, что Красный Всадник еще не стар — лет на пять старше меня, пожалуй.

Отроки опять засмеялись. В смехе их явственно слышалось недоумение: они никак не могли понять, что же это за чудо перед ними. Длинная коса Соколины, зеленое платье и лук в руке придавали ей сходство с какой-то лесной девицей, вилой; я только сейчас это заметила, у нас к ней все привыкли, но незнакомцев ее вид должен был поразить.

— Так я и сделаю! — откликнулась Соколина. — Оставайся там, где ты сейчас. Я предупрежу воеводу, что к нему идет такой важный гость. И он придет за тобой к броду.

— Здесь есть кто-то еще? — Вероятно, ему казалось глупым вести разговор с девушкой.

— Есть, есть! — успокоила его Соколина. — Мои люди последят, чтобы ты не совался за реку, пока тебя не позвуют. Или ты явился сюда завоевать землю Деревскую и потому в приглашениях не нуждаешься?

— Если я решу что-нибудь здесь завоевать, то с тебя и начну!

— Пока доберешься... завоевалка промокнет! — крикнула Соколина и метнулась назад, под защиту рощи.

С того берега слышались крики, хохот, топот... К счастью, до брода им еще нужно было доехать, а я уже неслась по тропе во весь дух к Искоростеню. Добрыню я тащила за руку и иногда оглядывалась, не застряла ли где Вторушка, несущая Малфу. Соколина при желании легко бы нас всех обогнала, но бежала сзади — будто могла быть нужна отстреливаться.

Меньше всего я тогда способна была вообразить, что бегу, будто от Змея Горыныча, от собственного своего родного дяди. А ведь если бы я не была так напугана, то могла бы разглядеть в руках у знаменосца красный стяг с черным вороном — стяг Хольмгарда, моих северных родичей по матери.

* * *

Как ни чудна была эта беседа через реку, обе стороны выполнили уговор: Соколина предупредила отца о гостях, а те дождались у брода, пока за ними придут. Вскоре Логи-Хакон

узрел более достойного себя собеседника. На той стороне реки, меж гранитных валунов, где вновь начиналась широкая, хорошо заметная на каменистой земле тропа, появился мужчина средних лет, в угорском кафтане с квадратными узорными застежками на груди и с рейнским мечом на боку, хоть и не столь роскошным, как у гостя. Он с годами огрузнел, хотя еще не настолько, чтобы утратить боевые навыки; в длинных русых волосах были заплетены по бокам две косички. Широкое круглое лицо почти целиком пересекал старый шрам: он начинался на правой стороне лба, от линии волос, и шел вниз к переносице, через внутренний конец брови, спускаясь далее почти до левого края челюсти, где начиналась опрятно подстриженная бородка — чуть светлее волос.

Уж этот сразу приметил стяг и прикинул, с кем, скорее всего, имеет дело. За ним шествовал его десяток.

— Я — Сигге по прозвищу Сакс, десятский воеводы Свенельда! — представился круглолицый. — Он послал меня сюда посмотреть, что за люди к нам явились, и проводить, если вы и правда к нему. Я не ошибся — это стяг сыновей Олава из Хольмгарда?

Никто не сказал бы, что Сигге держится неуважительно, но его небрежно-уверенная повадка сама собой говорила: ты, конечно, знатный вождь, ведущий свой род от Одина, но я таких видел уже сотню — живыми и мертвыми.

— Я — Хакон, сын Олава и брат киевского князя Ингвара! — Красный Всадник снова упер руку в бедро, с повелительным видом глядя через реку. — По его желанию я приехал повидаться с воеводой Свенельдом.

— Воевода Свенельд всегда рад людям от князя Ингвара, как будто это посланцы его родного сына! — с чуть издевательской сердечностью сказал Сигге. — Переходите реку, я провожу вас.

Лет десять назад, избрав Деревскую землю местом постоянного жительства, Свенельд поставил себе двор на гранитной круче за поприще от Искоростеня — дабы постоянно знать, что там происходит. Десять лет он единолично поль-

зовался всей данью с племени древлян: князь Ингвар отдал ему этот доход ради уважения и признания заслуг воеводы, зато был уверен: в этом недружественном краю все будет спокойно. Богатством и силой Свенельд теперь не уступал и князьям: у него был большой двор — настоящий городец, укрепленный валом с частоколом и «боевым ходом», а дружина его насчитывала семь-восемь десятков человек. Часть из них жила в дружинных избах и в гриднице, часть — наиболее старая и заслуженная — обзавелась собственными дворами, семьями, хозяйством, челядью, так что среди них уже человек десять-пятнадцать сами могли выставить маленькую дружину.

Вслед за Сигге Саксом Логи-Хакон проехал по тропе, глянул на виднеющийся невдалеке Искоростень на кручах над Ужом. Округа была богата, везде виднелось множество скота: паслись коровы под присмотром челядинов, там старуха гнала хворостиной пяток белых коз, в пруду плавали гуси. Шел сенокос, на лугах двигались белые рубахи косцов и ворошащих сено женщин в вышитых покосных рубахах, из которых, ради жары в эту пору, состоит весь наряд. Завидев всадника, яркого, словно солнце, люди отрывались от работы и смотрели на него из-под руки. Логи-Хакон заметил, что Сигге народ кланяется как нарочитому мужу: видимо, все это были владения Свенельда. Впрочем, примерно этого он и ожидал по рассказам старшего брата, поэтому не выказывал удивления.

Удивился он, лишь когда вступил наконец в гридницу Свенельда, — и то не показал вида. Здесь ему навстречу вышла та самая воительница, которую он уже видел на реке, только вместо лука на этот раз она держала в руках приветственный рог, окованный серебром.

— Вот это девушке больше подходит! — невольно воскликнул Логи-Хакон.

Помотал головой: ему все казалось, что эта красотка — какой-то чудный морок, его преследующий. На реке она в него стреляла, здесь подносит рог в том самом доме, куда он ехал, — что все это значит?

Соколина успела приодеться: убедившись, что отец намерен принять Красного Всадника, она полетела в избу и там произвела привычный разгром среди своих укладок и ларцов. Натянула крашенное кружиной тонкое шерстяное платье и зеленый хангерок, отделанный красно-желтым шнуром, застегнула на плечах позолоченные застёжки с ниткой стеклянных бус между ними — первое, что под руку попало, — и помчалась проверять запасы: что есть из готового на стол.

Изумленный взгляд надменного гостя вознаградила ее за хлопоты. Как почти все сделанное им в жизни, дочь воеводе Свенельду удалась: это была рослая, крепкая девушка, живая, бойкая и решительная. Не сказать, чтобы красавица: черты лица у нее были простые и крупные, как и белые зубы, на носу в летнюю пору золотилась россыпь веснушек. Светлорусая коса в руку толщиной спускалась ниже пояса, а взгляд желтоватых, как у ловчей птицы, глаз был так пылив и задорен, что каждый невольно испытывал не просто желание, а горячую потребность ей понравиться и выглядеть перед ней как можно лучше.

Впрочем, для Логи-Хакона в этом ничего нового не было: он всю жизнь следил за тем, чтобы производить на людей достойное впечатление. Не в пример его собственному старшему брату Ингвару, который никогда в жизни об этом не задумывался, но тем не менее сделался мужем прекраснейшей женщины Русской земли, а заодно наследником всех владений Олава и Олега Вещего. И немало с тех пор приумножил свое наследие.

— Ну так ты ко мне приехал или к моей дочери? — слышался откуда-то спереди низкий насмешливый голос, и Логи-Хакон опомнился.

Заглядевшись на девушку, он чуть не забыл о хозяине дома. А тот уже ждал его, сидя на высоком почетном месте.

Когда Свенельд и его воспитанник Ингвар, тогда четырехлетний мальчик, уехали из Хольмгарда в Киев, Логи-Хакон еще не родился на свет. Свенельд никогда больше не возвращался на север, а Логи-Хакон, хоть и бывал в Киеве, в Дерев-